

КЛАРА – ДЕВУШКА ИЗ ЛИРИКИ

Халудорова А.Э.

Клара существовала в мире Литературных Персонажей недолго. Может, год или два – она не знала. В Лирике нет календаря и часовых поясов.

*«Чувств и дум несметный рой
И толпа воспоминаний
Всюду следуют за мной
По пути моих страданий...»*

Девушка из региона Поэмы мечтала вырваться из Детского Дома, в который ее заключили после Лаборатории.

Что такое Лаборатория? Клара не знала полного понятия этого слова, но так звали место, где она родилась и выучилась говорить без рифм. На первичное переучивание ушло две недели вместо стандартной одной.

– Как сказать, что я люблю? Мне только бы узнать свою... любимый цвет, и вкус, и запах, не хочу спать боле на местных нарах, мечтаю я о больших матрасах, – новенькая, персонаж с растущей популярностью, никак не могла не говорить возвышенно и чувственно.

Иногда сущность поэзии просыпалась и в Кларе, и тогда она была вынуждена ехать на принудительное перевоспитание в Эпос – там говорили красиво, мелодично, часто с научными терминами. Но жить мигрантам там было крайне тяжело – без причин арестовывали или штрафовали за рифмы.

– Я не могу сказать об изотопе, но мне так хочется... – урок химии шел долго, она не сдерживалась. – Но вот уж поздно, погляди, на живо море, и камень, изумруд, неплохо смотрится...

– Клара!!! – рявкнула учитель. Пятьдесят человек вздрогнули. – Опять рифма! Опять стихи! Нельзя!!!

*«Она молода и прекрасна была
И чистой мадонной осталась,
Как зеркало речки спокойной, светла.
Как сердце мое разрывалось!..»*

Согнувшись ровно на девяносто градусов, Клара начала причитать что-то, очень тихо и почти неслышно.

– Ты снова хочешь в Эпос? – она завертела головой, отрицая. – То-то же, в Лирике прекрасней всего. Ита-а-ак, – преподавательница прошлась по все еще согнутой спине Клары железной указкой. – Кто расскажет про чудеса в Дrame?

Клара едва сдерживала слезы обиды и страха. Струны ее души требовали нежных элегий и чудотворных слов. К тому же ей исполнялось на днях двадцать, пятилетний юбилей жизни в мире Литературных персонажей приближался.

Лиричная дева сжалась в комочек, присев. Горячие слезы побежали по бледным щекам. Она не понимала, почему ей не удастся говорить прозой. Уже пять лет государство заставляет ее говорить по нормам Эпоса, но...

– Клара. Клара! – бам! И учитель наконецником железной указки ударяет по ее спине. Клара падает. – Снова слезы? Учти, если через месяц не поставишь речь, то поездка в Эпос гарантирована!

*«Я никогда не понимал
Искусства музыки священной,
А ныне слух мой различал
В ней чей-то голос сокровенный.»*

– ...И Эпос является лидером среди трех стран по всем параметрам. Лирика в свою очередь занимает второе место, Драма соответственно третье.

Какая красивая речь! Клара обернулась и замерла, увидев выпускника, мужчину из Фантастики, Баллады.

– Вот! Клара, учись. Человеку только два месяца, а уже может не употреблять рифму. А ты? Пять лет и все насмарку. Хоть сейчас заставь написать сонету – напишешь же без проблем! Итак! Завтра идет набор в группу для отстающих, мы едем в Эпос. Кто хочет по желанию?

Клара все также сидела у стола. Указка упиралась ей прямо между лопаток, не давая встать.

– Точно едет Клара, Мишель, – мальчик дошкольного возраста из Сонеты серьезно кивнул. – Остальные по зачеткам. Все свободны.

И преподаша наконец убрала палку, позволив подняться. Клара с красным от стыда лицом собрала все учебники с тетрадами и направилась на выход.

На улице в Лирике всегда была приятная погода. Никогда не шел промозглый дождь, только короткий ливень. Аккуратно остриженные деревья и кусты защищали от ветра, небольшие домики на краю города создавали контраст с небоскребами в центре.

*«Пусть туманна огнистая даль -
посмотри, как все чисто над нами.
Пронизал голубую эмаль
огневеющий пурпур снопами.»*

Грустно вздохнув, Клара зашаркала разбитыми туфельками по чистому тропинке в город. Занятия в знаменитой Академии Наук не имели никакого эффекта. Да и этот персонаж, что вел у них предмет АнтиРифмы, был до ужаса некомпетентен и груб, да и по виду будто появился из города «Триллер».

На автовокзале Клара сидела, ожидая автобуса до своей деревни, Соулмейтов, где проживала последние пять лет в грусти и печали. Одна.

В ее поэме она была частью мира Соулмейтов, людей, которые имели своего собственного человека, возлюбленного, предназначенного судьбой. Это раскрывалось в родинках, в походке, в ожогах, в любых внешних признаках. И у Клары был свой Соул, которого первое время она вспоминала с нежной улыбкой, сидя в четырех белых стенах Лаборатории. А потом, когда надежда на его реинкарнацию покинула ее голову, Клара стала забывать его. И сейчас, спустя пять лет, единственным напоминанием о нем было лишь несколько пятнышек на ладони да три родинки в ряд под правым глазом – у Соула были такие же.

Поэма не сильно отличалась от Эпоса в плане ликбеза. Первые месяцы Лаборатории и Тюрьмы заботились о психологическом состоянии своих подопечных, а потом выпускали с полными данными паспорта. И пусть, что в Соулмейтах учили забывать своих любимых, а в Детективе преступную жизнь, разницы не было.

– Сморишь наверх, но солнца не видно, над головой лишь искусственный

свет. Искусственный дым от моих сигарет напомнит о том, что не всё так печально, и надо бодриться, ведь пойман момент, и теперь, я уверен, это должно быть забавно.

Клара являлась частым слушателем высказываний случайных прохожих, чьи мысли озвучивались красиво и странно для приезжих.

«Дым от сигарет»?..

В мире Литературных персонажей не существовало такого понятия как «болезнь». У людей не могли формироваться привычки вроде постоянного распития алкоголя или курения – канон не позволял. А те, кто в своей истории это делал, никак не могли попробовать сделать это в новом мире. В общем, вредных привычек просто не существовало в виду отсутствия должных вещей.

Выделенная Кларе Лабораторией однокомнатная квартира долго пустовала без хозяйки, что была в постоянных разъездах. И не было в доме ничего особенного: матрас, маленький холодильник, несколько столовых приборов и кухонной утвари, свечи и спички, маленькая ванная комнатка. Минимальные потребности удовлетворялись и этого хватало.

Клара всегда грустно улыбалась, когда ей предлагали найти работу, самую простую, чтобы заплатить за электричество и обустроить квартиру. Это ведь так легко! – говорили люди. Но для персонажа, который говорил стихами, работать запрещалось. Лаборатория платила ей пособия, на них Клара и жила.

Совсем не популярная, тихая и изнеженная, не умеющая говорить нормально – кто возьмет ее такую не просто на работу, но и в социум? Ни друзей, ни знакомых, ни места в мире...

*«Но ах, не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем, -
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.»*

У Клары не было ничего. Она просто ждала своего забвения. Тираж в шесть книг! Мало, очень мало.

Холодными вечерами девушка горько плакала, смотря на улицы города. Она страстно желала вспомнить своего возлюбленного, но вспомнить не мог-

ла. Она думала о том, как скоро начнет новую жизнь в Эпосе. Она размышляла о бытие в стране Лирики, где одиночество – нормальное явление.

Через месяц ее отправят в Эпос, в рандомный жанр, может в Романтику, как она хотела, может в Ужасы, в Драмму, в Фэнтэзи. Хорошо было бы для нее, если бы это был большой город со своим особым укладом, без стереотипов на приезжих и с большими возможностями для персонажей из редких жанров.

Весь следующий месяц Клара будет усердно заниматься, сдавать нормативы «говорения». И все ей будет по плечу, каждый учитель похвалит и погладит по белокурой головке. А потом придет оповещение о несвоевременной сдаче химии, а вместе с ней – разговор в научном стиле.

*«Осязательно и ясно
Изваял в душе моей
Этот сердца голос страстный
Все незнанное в ней.»*

И месяц уйдет на подготовку к переезду. Документы, печати, сдача анализов... И все пройдет в глубокой печали, до тех пор, пока не случится встреча двух одиноких сердец.

От лица Клары

Его звали Глеб. Он не называл своей фамилии, да и не нужно это было им, знающим друг друга всего пару недель. Как Глеб позже признался, он был эпосовским персонажем, жанра детских приключений, хоть и было ему восемнадцать, жил в этом мире столько же лет, как и я.

Он был на экскурсии в центре Соулмейтов, когда я споткнулась о его чемодан. Странно таскать за собой всюду чемодан. Но не это важно. Больше важно в нем была его душа, индивидуальность, канон.

*«Волосы твои словно золото -
Мои же похожи на олово.
Меня зовут Глеб,
А твои глаза – горный снег.»*

Милая рифма... Детская, слегка неуклюжая, но рифма. В Лирике стихи от туристов являлись нередкостью, и я была не удивлена.

*«Твой детский вызов мне приятен,
Но не желай моих стихов:
Немногим избранным понятен
Язык поэтов и богов.»*

Не знаю, чем я его заинтересовала, но как раз к моему вылету он пригласил меня в свой дом, праздновать День Рождения его отца, губернатора Романа. Я не соглашалась на близкие отношения, мы просто дружили, а тут... Но средств к существованию в Эпосе у меня не было, поэтому пришлось согласиться.

Я нервничала. Боялась. Один раз даже плакала. Говорила стихами, чем разозлила стюардов и пассажиров. И не зря.

Первая неловкая ситуация случилась в аэропорту Романа, при знакомстве с Лемом, отцом Глеба. Не знаю зачем, но перед самым вылетом Глеб перекрасил волосы в зеленый, купил одежду лиричного персонажа и в таком виде предстал перед мэром Романа, который, как оказалось, был не так уж и страшен.

Темные вьющиеся волосы, выбритый затылок, задумчивые светло-голубые глаза, бежевый деловой костюм, спокойная улыбка, некая медлительность и безмятежность – вот что меня встретило в зале.

Я произнесла свой текст без запинки, как и он. В его взгляде плескалась горечь от чего-то, а на лице повисло молчание. Меня тогда испугала не его внешность, или решительность, или странное спокойствие, нет. Было в его движениях что-то опасное, напрягающее. От него веяло силой, хотелось подчиняться ему, не противоречить.

В отеле Глеб завел разговор о противоречии в Леме. Он пытался объяснить мне, что такому персонажу как Лем Ледовски доверять не стоит, не смотря на флюиды доверия вокруг него.

*«Странная белая роза
В тихой вечерней прохладе,
Что это? Снова угроза
Или мольба о пощаде?»*

На следующий день на празднике Глеб, неожиданно для всех, в стихотворной форме предложил мне выйти за него замуж. Я не знала, что и сказать, но...

Лем меня успокоил. Подошел, обнял, просто сидел рядом. А я плакала. Не зная от чего.

Есть ли в мире справедливость?

Мы с Лемом подружились. Он во-дил меня в свои театры, филармонии, на концерты известных музыкантов, на документальные долгие фильмы. Угощал вкусными блюдами, но сам не ел, говорил, что потом все вылезет обратно. Он показал мне все свои способности как популярного персонажа – его вправду было ни ранить, ни убить. Все раны затягивались тут же, падение с высоты не причиняло боли, дышать под водой не нужно, огонь его не брал.

И я знала, что это волшебство, странно, чудесно. Может втайне я и желала стать такой же, но... жаль мне его было безумно. Одиноким, без чувств и перемен, вечный подросток в поиске новых блаженств.

А однажды, в день, когда я попала за решетку за случай с обороной, Лем отказался меня понять и принять. Просто говорил одно и то же, много минут и часов. В итоге...

«Значит, только проза. И больше ничего. Расцвету как мимоза, но рот себе заткну.»

Он не понял меня. Ему был не очень понятен лирический позыв души молодой девушки из романтической поэмы. Мимоза для него – лишь цветок.

За неделю до моей депортации мы сходили в цирк. Признаюсь, уже тогда я сильно болела, но признаваться в этом Лему не хотелось – уж очень он переживал за меня, мог и на операцию отправить. Но я знала, что то была вина не эпидемии, а забвения моего. Паспорт показал две книги моего тиража. Мне оставалось совсем немного.

Представление цирка Ледовски – самое зрелищное, что я когда-либо видела. Акробаты, животные, персонажи фэнтези, исполнения на ледовой арене... Это заслуживало похвалы Лис, жены Лема.

После выступления хозяин цирка пропал. Был – и нет его, исчез. Я успокоилась, и, когда нашла его, тут же расспросила про побег от меня.

Но внезапного ухода не было. Он предупредил меня, что уходит вниз,

к аренам, поговорить с кентавром, а я не услышала. В последнее время я вообще мало чего слышу и временами вижу.

Лем представил нас друг другу, я поклонилась, как и он. Около часа мы с ним говорили. Меня восхитила его мощь, внешний вид. Еще бы! Человек с телом лошади. Шерсть, и хвост, и копыта... Когда Лем отошел, мы условились встретиться еще раз. Очень уж ему понравилась моя речь, а мне его необычный облик.

И на следующий день я напросилась в цирк, чтобы увидеть все изнутри поближе, впечатлиться как следует. Холодный взгляд Лема дал мне понять, что разрешения я не получу – уж очень опасно было отпускать меня одну, поэтому он, отменив все встречи, пошел со мной.

К счастью, в репетиционную его завела на разговор хозяйка. Я тут же побежала вниз, под цирк, к сменным аренам, где меня дожидался Дирас.

Конец лица Клары

Клара сильнее сжала руками плечи Дираса. Он был намного выше ее, но ради нее кентавр наклонился.

– Давай... давай я помогу тебе сбежать? Или уговорю Лема отпустить тебя?

Столько надежды сияло в ее глазах, что мужчина грустно улыбнулся и подхватил девушку на руки. Та в удивлении распахнула светло-серые глаза, сегодня подчеркнутые розовыми тенями.

«Лирики живут мало, но волшебство и по-человечески.» – вспомнил Дирасу рассказ клоуна-путешественника.

– Тебя? Меня? Ледовски не такие добрые персонажи, как ты думаешь. У них много силы, они имеют огромный опыт за плечами и не отпустят меня. Лис, например, боится меня, а врагов, как известно, держат поближе.

– Зачем они садят вас здесь? Без зарплат, без нормальных условий существования? В чем смысл держать вас взаперти?

«Лирики любят задавать вопросы. И не ждут ответа. Не хотят его слышать.»

– Не знаю. Возможно, они наслаждаются этим. Или вынуждены следовать

закону о фэнтезийных персонажах. Не знаю, честно. Я с ними не говорил.

– Тогда я должна помочь тебе выбраться отсюда! Никто не посмеет тронуть тебя в Лирике! Законы там намного мягче, а депортация работает раз в два месяца.

Клара силилась не плакать. Ей было безумно жаль получеловека с телом лошади, но одновременно с этим она понимала, что изменить его судьбу в ее силах.

– Ничего не поможет, Клара, – он спустил ее на пол, отошел на несколько шагов назад. – Это противостояние куда более глубоко, уходит корнями в самое начало нашей жизни. И это не война популярности. Это жизнь. Бедные против богатых. Изгнанники против царей.

– О чем ты? – Клара наклонила голову вперед, чтобы Дирас не видел ее слез. – Какая война? Это просто непонимание. Можно поговорить, решить вопрос мирно, без всех этих ужасов.

«Лирики умеют молчать, но когда говорят, то задевают души за живое.»

Кентавр хотел сказать что-нибудь. Исправить. Успокоить. Он не знал как себя вести. В его жизни литературного персонажа не было еще человека, который озаботился бы его судьбой.

– Знаешь, Клара, тебе повезло родиться лиричной, повстречать Лема в качестве своего свекра. Но подумай сама – разве не может быть обратной стороны медали в жизни? Темной, ни-

кому не интересной. Она есть, ее никуда не деть, ее просто все игнорируют. И... забудь обо мне. Позаботься о себе.

И он ушел. Ускакал в свою клетку. Закрыв камеру с обратной стороны.

Клара закрыла лицо руками и в голос зарыдала. Мысли ее были хаотичны и путались, как клубок ниток в игре. Спустившийся Лем удивился присутствию девушки и, поняв, что она плачет от горя, обнял. Позже отвел домой, уложил в холодную постель и уехал по своим делам, оставив лиричную деву думать о бытие.

И все, пропала надежда сделать доброе дело. В аэропорту Клара откроет паспорт и покажет всем, что остался у нее один лишь экземпляр печатной книги, что, фактически, нет у нее ничего более кроме веры в один этот несчастный экземпляр.

Через три недели она напишет письмо Лему, в котором скажет, что заразилась гриппом и скоро умрет. Он подумает, что она переродится, а на деле... просто исчезнет.

Будет смотреть она на себя в зеркало в коридоре Академии, чувствуя, что сердце ее вот-вот остановится, жизнь покинет сладкие уста, а книга с поэмой исчезнет навсегда. Потрогает Клара свои золотые волосы, взглянет сама себе в глаза и... исчезнет.

*Республика Бурятия, пос. Онохой,
МБОУ «Онохойская СОШ № 2», 11 класс*

